

Субботин
Василий Сергеевич
(1919 – 2000)

Участник Великой
Отечественной войны.
Комендор подводной лодки С-7.
Награждён орденами Ленина и
Отечественной войны II степени.

Родился и жил в Выксе, окончил школу и пошёл работать на ДРО. В 1940 году поехал в Ленинград и сразу поступил в школу подводного плавания. Была стажировка в городе Лиепая – в одном из портов Латвии. По распределению Василий попал на подводную лодку С-7, о которой позже, после войны, заговорил весь мир. Василий Субботин был командиром расчёта зенитной пушки и торпедистом, начал боевые действия в первые часы Великой Отечественной. Во время одной из стоянок в Кронштадте Василий Субботин сбил из зенитки вражеский «юнкерс».

Василий Субботин был человеком смелым и расчётливым , отличался необыкновенной смекалкой и умением правильно ориентироваться в тупиковой ситуации. В «С-7» было 46 человек, и сорок два из них до сих пор покоятся в водах у берегов Швеции. Был плен: побои, голод, унижения – всё выстоял Василий. Ничто не смогло сломить его воли и мужества. Два года он провёл в фашистских застенках. После войны Василий Субботин вернулся в родную Выксу, работал на Выксунском металлургическом заводе. Умер Василий 2 августа 2000 года.

Наградной лист

160

На Командира подводной лодки "С-7"
(должность, наименование войсковой части, соединения, учреждения или заведения)
Старшего краснофлотца СУББОТИНА Василия Сергеевича
(военное звание, фамилия, имя и отчество)
орден "ЛЕНИНА"
(наименование награды)

1. Год рождения 1919
2. Национальность Русский
3. Соцположение Рабочий
4. Партийность Кандидат в члены ВКП(б)
5. С какого времени в РККА РКВМФ 1940
6. Участие в гражданской войне Не участвовал
7. Ранения и контузии Не имеет
8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что Не представлялся
9. Какие имеет поощрения и награды и за что Не имеет
10. Служба в белой или других буржуазных армиях и пребывание в плену Не служил
11. Постоянный адрес _____

*Награда
от Команды КСФ № 55 от 21.08.42 г.
Орден ЛЕНИНА*

Д
Л
Я
П
О
Д
Ш
И
В
К
И

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг
(составляется в штабе войсковой части, соединения, учреждения или заведения)

Краснофлотец-старший комендор тов. Субботин участвовал в 40
суточном походе подводной лодки "С-7" во время которого потопле-
но 4 транспорта противника водоизмещением 28 тысяч тонн.

Все время нахождения на позиции у вражеских берегов бдительно
нес сингальную вахту.

Постоянно обнаруживал самолеты противника, дозорные катера,
миноносцы, что давало возможность своевременно уклониться от
вражеских атак.

Будучи командиром 45 мм. орудия явился непосредственным участ-
ником потопления финского транспорта у вражеских берегов в
дневное время. Снаряды посланные тов. Субботиным точно легли в цель.

За храбрость и мужество проявленное в бою с немецко-фашистс-
кими захватчиками ходатайствую о награждении орденом "ЛЕНИНА".

Командир подлодки "С-7"

Капитан III-ранга:
(ЛИСИН).

Военком подлодки "С-7"

Старший-Политрук:-
(ГУСЕВ).

КОМЕНДОР СУББОТИН

Среди многих хранящихся у меня документов, подтверждающих героические дела выксунцев в дни Великой Отечественной войны, есть одно, которое представляет исключительно большой интерес. Это — письмо бывшего командира подводной лодки «С-7» Героя Советского Союза Сергея Прокофьевича Лисина. Оно было прислано в феврале 1960 года. «С полным основанием могу утверждать, — пишет С. П. Лисин, — что в период суровых испытаний войны ваш земляк Василий Субботин, находясь в славной семье подводников, был настоящим патриотом нашей Родины...»

Газета «Выксунский рабочий» когда-то писала о подвиге славного комендора Василия Сергеевича Субботина. О нем тепло рассказал С. П. Лисин и в своих опубликованных воспоминаниях. Коротко еще раз вспомним о боевых делах нашего земляка.

Подводная лодка «С-7», на которой В. Субботин был командиром расчета зенитной пушки и торпедистом, начала боевые действия в первые же минуты Великой Отечественной войны. Она сопровождала свои грузовые суда, топила вражеские караваны, обстреливала бережные укрепления в Карском заливе. Во время стоянки в Кронштадте, Субботин сбил из зенитки вражеский «Юнкерс», участвовавший в налете на город. Вот запись из вахтенного журнала того времени: «С ликованием экипаж встретил эту победу! После отбоя магросы кинулись на мостик, обнимали и целовали комендора Василия Субботина».

Когда у лодки кончились торпеды, она всплыла на поверхность и расстреливала немецкие конвои из зениток. Отважный комендор из Выксы действовал всегда смело и расчетливо. Он был принят в члены партии, награжден орденом Ленина, получил многие другие награды.

Василий Сергеевич и сейчас живет в Выксе. К нему, на улице Спартака, часто приходят теплые письма от оставшихся в живых боевых товарищей. Его рассказы о войне всегда с огромным интересом слушают учащиеся и те, кто живет или работает рядом с ним. Ветеран

войны полон сил и энергии, несмотря на пенсионный возраст он продолжает трудиться.

М. РОГОВ.

В книге "Второе рождение" о Василии Сергеевиче Субботине написано так:

"Героически сражался на подводной лодке СП-7 В. С. Субботин. Выполняя боевые задания в Финском заливе, подводная лодка обстреливала вражеские берега, охотилась за транспортами.

За один из походов, в котором Субботин выстрелом из зенитной пушки потопил корабль противника, он был награжден орденом Ленина".

Далее, в газетных публикациях на страницах "В. Р." прежних лет, красочно повествуется о боевых подвигах зенитчика-торпедиста (?) в 1941-42 годах; о побоях, унижениях, голоде, что вынес наш земляк, после того, как подводная лодка подорвалась на mine, и ее экипаж был пленен. После плена с осени 44-го Субботин героически сражался на суше, форсировал Одер и штурмовал Берлин.

Оставим в стороне подвиг зенитчика-торпедиста, когда он одним выстрелом из пушки потопил вражеский корабль - такая наивность украсила бы серию о бароне Мюнхгаузене, отметим только, что следуя достоверной биографической канве, авторы публикаций многое осветили неточно, а многое, сознательно или бессознательно, исказили или просто упустили. Так нигде не удалось прочесть о времени, что провел В. С. Субботин в лагере на Урале в 44-ом году, почему он демобилизовался из армии лишь в 53-м, как сложилась его послевоенная судьба.

Сейчас бывшему краснофлотцу за семьдесят, но он деятелен и энергичен. Тяжелые испытания, выпавшие на жизненном пути, ему помогли преодолеть природный ум, сметка, мастерство рабочего человека, недюжинная физическая сила.

Впрочем, лучше всего пусть он о себе расскажет сам.

война и мир

ПРАВДА О КОМЕНДОРЕ

НАЧАЛО

Учился я в первой школе, а затем, окончив школу мастеров, стал мастером-модельщиком на заводе ДРО. В 39-ом году призвали в армию и попал я на флот. Проходили специальную медицинскую комиссию - ни один врач, ни два, а восемнадцати врачей надо было пройти - один за меня схватился здорово, профессор какой-то, уже в годах. Что такое? Увидел меня, подходит и подходит с разными вопросами, а потом и спрашивает - не смогу ли я макеты разных кораблей делать. Ну, я мастер-модельщик, и чертежи прилично читаю, и руки хорошо приставлены, но представлял себя уже на подводной лодке, что рулить на ней буду, и не пошел на это дело.

Учился в школе подводников, когда началась финская компания. Помню первую ночь по тревоге мы спали в противогазах часа 3-и или 4-и. Вся война суровой зимой длилась 3,5 месяца, но некоторые наши подлодки ходили подо льдом Финского залива в море и там топили вражеские корабли.

Зимнюю Балтику до сих пор вижу наяву - бескрайнюю, серую, студеную. Навстречу падают плавающие льдины, на мостике пронзывает ветер, в борт лодки бьет ледяная вода. Экипаж дружно скалывает намерзший лед с надводных настроек, а иногда, чтобы его расто-

пить, мы погружаемся под воду. Нам мало приходилось купаться, в гавани, где мы стояли, не разрешали. Некоторые подводники не умели плавать, и их обучали в специально отведенные часы на пляже.

Как курсант-оглиничник школы подплава им. С. М. Кирова, я мог идти служить на любое море, которое бы пожелал, но узнав, что младшая сестра поступила учиться в Горный институт в Ленинграде, решил остаться на Балтике. После практики на "Щуке", направили меня на подводную лодку "С-7". "С-7" несет двенадцать торпед, восемь в носовом отсеке, и четыре - в кормовом. Что такое торпеда? Это, практически, самодвижущийся управляемый снаряд. Я всю торпеду до винтика знаю и сейчас, представься экзамен, расскажу. Кроме того, у нас две скорострельных пушки на вооружении: сто-миллиметровая и сорокопятка. Должность моя - комендор-торпедист, т. е. наверху, на мостике, я - командир орудия, а внизу, в отсеке, распоряжаюсь торпедами. По первому экипажу хорошо помню всех товарищей своих, всех моряков-по-братимов. Жили мы очень дружно, может быть, потому, что командир специально подбирал людей. Если узнает, что кто-нибудь не то что подрался, поругался, то уже все, кого-то из двоих надо на другую лодку переводить. Часто, вернувшись из моря, брали бутсы, гетры и шли играть в футбол. Одна наша лодка выступала против целого дивизиона. Капитан, Лисин Сергей Прокофьевич, командир боевой, отважный,

гонял мяч вместе с нами. Очень он любил, когда команда занималась спортом. Правда, старпом всегда противником в этих делах был, знал одно - "чистить матчасть, чистить матчасть..." Иногда в походе, в подводном положении, не постав даже после боевого дежурства, приходилось по его команде драить помещения и приборы, уж текой он был чистюля.

Первая бригада подводных лодок Краснознаменного Балтийского флота стояла в Кронштадте и на Малой Смольной в Ленинграде, где мы разместились на берегу в кубриках по 3-7 человек, а боевая база была в Либаве, нынешней Лиепае.

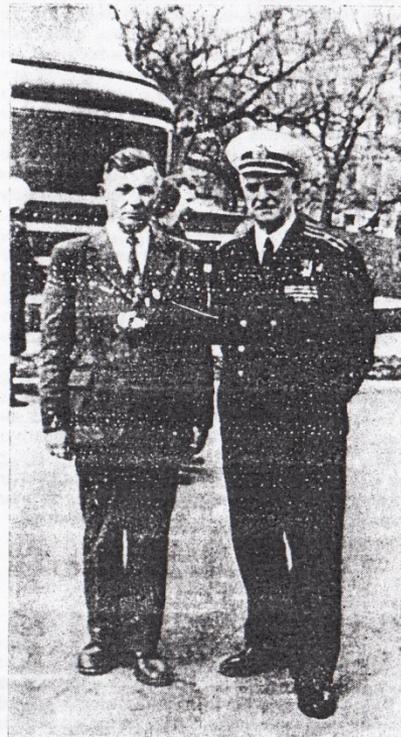
В июне 41-го мы были в дозоре, срок возвращения - 30-го. Стояли белые ночи, когда видно прекрасно, что днем, что ночью, чуть-чуть туманит только. В это время, числа 20-го, 22-го, они начинаются, эти дивные белые ночи. В дозоры мы с Либавы ходили и раньше, уже в 40-ом году немец на Балтике вел морскую войну с англичанами. Идем однажды в надводном положении возле Эзеля, в ноябре это, кажется, было. Бортовые огни у нас включены - и левый, и правый, мирное же время, это в войну бы мы выключили! И заметили: идет такая машина, и огни на ней все горят, будто в своих водах. Командир сразу: боевая тревога, приготовить четыре торпеды! Только приготовились, а он нам хвост показал и иллюминаторы в одну секунду выключил, а в корму стрелять бесполезно, не попадет торпеда - от винтов струей отбросит. А скорость у него была приличная, и быстро корабль из наших глаз исчез. Был это, как кор "Бисмарк", немцы только спустили его на воду, а заводские испытания в своих водах проводить боялись - англичане потопят, вот они и маневры, в наших водах маневры и отработывали. Такая машина к нашим берегам подошла, топить, конечно, надо было, но уж очень ловко он отвернул, гал!

(Окончание на 4-й стр.)

Михаил ПИМЕНОВ

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

А тогда, в июне 41-го, только всплыли мы в надводное положение 23-го, нам сразу поступает радиограмма - война, топить все чужие корабли! Собрал всех политрук, комиссар Гусев, вроде бы митинг устроил, объяснил: такое и такое дело, Германия на нас напала. Идем мы, значит, в надводном положении, а за нами появляются два катера и ложатся на боевой курс. Мы запрос делаем - "земля", а нам отвечают - "восьмерка". Наши катера, значит; ну, командир по клотуку лампочками написал, что отходим. И вдруг Гусев, а он тоже на мостике был, заметил: "Товарищ командир, в нас выпустили торпеды!" Лодка отработала полный назад, так торпеды прошли мимо. Оказывается, что корабли-то были не наши, но как он немец, наши позывные-то узнал, вот в чем дело? Первый день войны, а нас уже кто-то предал. Сразу срочное погружение - шестнадцать секунд и лодка в воде, погрузились на глубину двадцать метров и немец начал бомбить. А перед тем, как погрузиться, он из пулеметов разрывными патронами успел первый корпус лодки, что непрочный, для обтекаемости, искорезить. Катера сбросили двадцать четыре глубинных бомбы и пришлось нам по курсу влево уйти на глубину семьдесят метров и лечь на грунт. Выключили все моторы, компас, положили на металлическую палубу все матрасы, половики и даже разулись, чтобы не шуметь. Страху еще никакого не было, один матрос, правда, считал до восьми: "Один, два, три, четыре... - мимо!" Это один такой, но паникеров не было. Стали лампочки лопаться в отсеках, трескотня открылась дикая, осколки летят - тут вот страшно стало. Весь корпус ходил ходуном, рама токарного станка лопнула, можете поверить! Штатные лампочки потухли, аварийные потухли - в отсеках темно! Два часа бомбили морские охотники. Страшно еще было, когда лотом выщупывали: "чик-чик", "чик-чик", ну, лучше бомбой,

ПРАВДА О КОМЕНДОРЕ

договариваемся не позориться ни при каком случае. Лисина сразу багром подцепили и достали, мы с Лениным, пока целовались, совсем закоченели, никак ремешки развязать не можем. И так, и так - никак не рассоединимся, а двоих нас никак не вытащат, сил не хватает. Ну, минут десять, наверное, бились; потом, какими судьбами, или судьба, действительно, разошлись мы с ним. Последним меня подняли. На палубе почти без сознания был - вот чувствую, что обыскивают, потом перетаскивают куда-то, а не понимаю. Когда согрелся, очнулся, смотрю - отсек какой-то, рядом Ленин лежит. Переодели нас с ним, а Куница там уже был, в лодке, его финны первыми подобрали.

Привезли нас на Аланские острова на гауптвахту, дали матрасы бумажные. Мы их положили поперек и вместе, втроем, легли. С Лисиным нам встретиться не давали, отдельно его держали, через стенку. Потом нас перевезли в г. Турку, в тюрьму, где в камере стояло ведро воды и ведро параша, кружка еще была. Потом повезли куда-то по железной дороге, а кушать эти дни почти не давали. Мы здоровые были, хотя в Ленинграде блокада была, но нас, моряков подкармливали. На новом месте по камерам разделили и начали вызывать на допросы: "Кто? Кем служил? Сколько у вас кораблей? Где через минные поля проходили?" А откуда, я знаю, где проходили, я не штурман, не командир, тут спрашивай, не спрашивай... Дней пятнадцать там пробыли, одно и то же каждый день: "Говори, говори! К стенке! К стенке! Кто у вас командир?" "На дне", - отвечаю, - "Командир". А Лисин в старый китель старшего лейтенанта был одет, офицеры в поход одевали, что похуже; договорились, что он вестовой, так и говорили. Награды офицеры дома оставляли, а нам, рядовым, оставлять было негде, орден Ленина у меня был с собой. Прикреплен он был к фланелевке и лежит сейчас вместе с лодкой на дне морском, а этот, что ношу, по запросу военкомата после войны прислали. Ну, били, конечно. Однажды я что сделал - попросился в галюн, а у двери гиря лежала двухпудовая, взял ее и поиграл так небрежно. Моряки финские, что в наряде были, аж глазами захопвали. Когда соберется их побольше, выпустят меня, предстваление, как циркач какой-то, и устриваю. За что в

лучше бомбой бы ударили, чем так вот: "чик-чик", "чик-чик"! Потом катера решили, что потопили нас, и ушли, наверное, начальству докладывать. Мы всегда связь имеем с нашим оперативным дежурным, который знает в каком мы квадрате и какая у нас обстановка, а тут мы молчим, на запросы не отвечаем. Кто-то из машинисток-операторов проговорился, прошел шепоток: "С-7", мол, потопили. Комсоставские жены собрались возле базы, рев бабий подняли. Но это мы после узнали, а когда акустик доложил, что катера ушли, всплыли и увидели, что все море белое от оглушенной рыбы. Когда стали всплывать и продуть цистерны, то корма пошла вверх, а нос продолжал оставаться на грунте. Что такое? Вдруг электролит выльется из батарей, а их у нас 56-ть, ну и все - отравимся! Туда-сюда, никак! Мы уже на перегорках стояли, а воздух кончается, глаза из орбит вылезают. Проверили в отсеках, инженер прошел по лодке - все в порядке, а начинаем всплывать - опять такая же история! Командир решил - дать весь воздух, сразу! Когда дали полный воздух, лодка и всплыла. Пошли в надводное положение, погружаться теперь было нельзя, какое повреждение у нас, мы не знали. Только у причала, в Виндау, обнаружили, что перебит воздухопровод в одном из отсеков, сварщик-латыш заварил его, после чего мы сообщили на базу, что подводная лодка "С-7" жива и находится здесь-то и здесь-то.

Какое-то время прошло и пошли над нами немецкие самолеты, волна за волной, летят и летят. А у нас на пушке-сорокопятаке прицел был вставной, перед погружением он снимается и берется с собой в ящичке небольшом. А тут ведь срочно погрузились, так шут с ним, с прицелом-то, не до него было. А самолеты летят и летят, некоторые стали ложиться на боевой курс и бомбить нас. Стрелял я по ним без прицела, один сбил, а летчик спустился на парашюте.

Взяли на борт воды, в море-то ее много, да не польешь. В войну мы по три месяца были в море, а в экипаже, ни много, ни мало, шестьдесят человек - пить надо, пищу готовить надо, умываться, мыться положено. Селедку для аппетита в походах не давали, с нее много пьют, а давали 100 граммов водки каждый день перед обедом - хочешь кагор бери, хочешь - белое, вот такое дело. Так начались наши походы.

БОЕВЫЕ ПОХОДЫ

Сирень зацвела, на улицах красота, запах необыкновенный, время-то какое! А тут на тебе - война! Сначала мы ходили в охране крейсера "Киров", но недолго. Прошло время заводских испытаний лодки, ее поставили в док в Кронштадте, чтобы проверить все механизмы. После профилактики вновь заправились соляной, грузили боекомплект - двенадцать торпед и снаряды. Первый поход был безрезультатный. Случались и казусы. Бомбат наши торпедные катера немецкую подлодку-малютку, а мы должны в этом квадрате в аккурат всплывать. Ходят катера, бросают бомбы, хорошо хоть в нас с ходу не залупили. Командир психанул: "Всплыть в надводное положение, арттревога!" Всплыли в надводное положение, арттревогу сделали и катера, толком не разобравшись, сразу к берегу пошли. Неувязок в начале войны много было. Много и горечи. Отдают нам приказ обстрелять город Нарву. Одной лодке уже был такой приказ, но она выполнить его не смогла. Было это под октябрьские праздники, а всего мы обстреливали Нарву семь раз. Глубина залива там приличная, метров 70-80, а протяженность города километров шесть. Во что я стрелял-то? В своих! Пять-семь минут, сто выстрелов и отделка! Бензиновые баки там стояли, по ним и стрелял - взрывы, море огня до самого неба, ужас! Пушка у меня полуавтоматическая - двадцать пять выстрелов в минуту - только успевай заряжай и "товсь", "товсь" - рукой нажимай. Во время стрельбы ствол раскалялся так, что масло кипело. За время, пока служил на "С-7", выпустил 5 тысяч снарядов. Это предел, после которого пушку сменили. Однажды добрались к немецкому фарватеру, а дело это непростое - и залива, и море минными полями усеяны, чужими и своими. Пробираться в них очень неприятно и страшно. Проходили всегда на большой глубине и самым тихим ходом. Мина висит на минрепе и, вот, то левым бортом трется - "ши-ши", то правым - "ши-ши". Когда проходили минные поля, водку, по сто грамм, не выдавали, и разговоры на лодке запрещали. Все сидят и слушают забортные шумы. "По правому борту, отсек такой-то, слышу шум минрепа", - идут доклады, и то вправо руля, то влево, вот

и уходили. Попробуй зацепи и хана. В mine 300 кг взрывчатки - до кишок разорвет. Подобрались, значит, и конвой из четырех судов подкараулили. А запас торпед был уже исчерпан. Командир говорит: "Шугани-ка, Субботин, этих черепаш!" Ну, я и шуганул, триста выстрелов, и самый крупный транспорт ко дну. Сопровождали мы и свои грузовые суда, охотились за вражескими. Главное было не страшиться и крепко знать свое дело. Торпедная я потопил пять фашистских судов. 21-го августа 42-го года указом № 55 за мужество и храбрость я был награжден орденом Ленина. Помню, вышла флотская газета с моей фотографией и снимком горящего вражеского корабля - его политрук Владимир Гусев сфотографировал, а подпись была такая: "Берите пример со старшего матроса Субботина!"

ПЛЕН

В конце 42-го года, в ноябре, получили мы приказ идти в Ботнический залив. Прошли Аланские острова, маяк прошли и где-то в 21.00-22.00 всплыли. Было полнолуние. Если смотреть в шведскую сторону, видно все, как на ладошке, а в финскую - как глаз выколи. И хоть у финнов отрядов всего в пять лодок был, нас, видимо, еще раньше запеленговали. На мостике боевом по своим прямым обязанностям после всплытия стояли командир лодки Лисин, старпом Дубровский, офицер Хрусталева, Куница, сигнальщик Оленин и я. Вдруг "бух!" и вся лодка затряслась - попала в нас торпеда! Лодка ушла под воду почти мгновенно. Метрах в десяти я увидел штурмана Хрусталева, помню, как он раза три крикнул: "Потопаю, потопаю..." Подплыл к нему и не успел, утонул Хрусталева. Разбросало нас волной в разные стороны. Стали свистать. Вдруг корма лодки всплыла и вновь погрузилась в волны, совсем, как в кино. На свист Оленина я подплываю, и Лисин тут. У каждого бушлат был, связались мы ремешками, договариваемся, как быть. А вода-то - лед, ясно, что долго не продержимся, решили, если тонуть, так всем вместе. И вдруг шум сначала услышали, а затем "тю-тю-тю..." Командир говорит, что, возможно, здесь есть наша подводная лодка, услышала взрыв и идет на помощь. Только ближе подходит - слышим голоса, да речь-то не наша, стали прощаться.. В чьи руки попадем, не знаем,

камеру сквозь решетку - хлеб и котлеты нам бросали. Я очень был здоровый.

Этапом доставили нас с Олениным в лагерь возле границы с Норвегией, где было, наверное, человек сэмсот заключенных. Когда привезли, бегут скелеты какие-то, смотрят на нас. Кормили ведь одной картофельной баландой из очисток, на работу водили ямы копать, но мне этим заниматься не пришлось. Встретил знакомого подводника Цветкова Михаила, тоже пленного. Был он очень хороший слесарь, делал петельки и замочки внутрененные для шкатулок. Михаил добрый был парень, ходит строить бараки финнам отсоветовал, а узнав, что я мастер-модельщик и столярничать неплохо, очень обрадовался. Остался я при столярной мастерской, где за смену нужно было сколотить ящик и ведро деревянные. Стали мы на пару с Цветковым шкатулки делать. Нашли в одном бараче художника, который на них виды финские с открыток рисовал, а потом эти шкатулки охране загоняли. А Сашу Оленина шкатулочник пристроили. Не пропала братва матросская!

В 44-ом году наши с финнами заключили перемирие. Приехал советский майор, начальник особого отдела, с заместителем, составили короткие анкеты и фьють... поехали. Стучали колеса, сладко замирало сердце в груди...

Василий Субботин еще не знал, что путь его лежит на Урал, в лагерь, что не служить ему больше на море. Прервем, чтобы не утомлять читателя, его повествование. Бывший командир сейчас копается в огороде, ладит грядки, курит, сжимая сигарету в искореженных кистях рук - ранило осколком снаряда при артобстреле Ленинграда в конце 41-го. Хотели пальцы отнять, но хирург пожалел молодого парня и наложил швы. Из-за этого ранения и к прежней специальности не вернулся - карандаш или ручку трудно в руках держать. День Победы, возможно, встретит в городе на Неве, где почти каждый год встречается со своим боевым командиром Героем Советского Союза Сергеем Прокофьевичем Лисиным. Все меньше остается в живых однополчан - умер сигнальщик Саша Оленин и командир БЧ (боевой части) лейтенант Новиков (в 42-ом он был ранен и не участвовал в печальном последнем походе "С-7"). Василий Сергеевич, несмотря на возраст, бодр, подвижен, на здоровье не жалуется, и вы вновь встретитесь с ним на страницах "ПХ".

Командир Василий Субботин с подводной лодки С-7

Награждён орденом Ленина посмертно... Но выжил и вернулся в строй

Судьба Василия Сергеевича Субботина, торпедиста и командира расчёта зенитной пушки подводной лодки С-7 полна героических и трагических эпизодов, в которых проявилась сила духа русского человека. Он первым из рядовых моряков-балтийцев был награждён орденом Ленина в суровом 41-м.

...Подводная лодка С-7, на которой Василий был командиром расчёта, начала боевые действия в первые же минуты Великой Отечественной. Она сопровождала грузовые суда, топила вражеские караваны, обстреливала береговые укрепления в Карском заливе. Первый героический эпизод из боевой биографии, в котором проявился горячий характер моряка: во время стоянки в Кронштадте он сбил из зенитки вражеский «Юнкерс», участвовавший в налёте на город. Запись в вахтенном журнале: «С ликованием экипаж встретил эту победу! После отбоя матросы кинулись на мостик, обнимали и целовали командора Василия Субботина».

О том, что командор с С-7 обладал недожимной отвагой и неистребимой непамятостью к врагу, вспоминал и командир подводной лодки Герой Советского Союза Сергей Прокофьевич Лисин в письме в редакцию газеты «Выксунский рабочий» в феврале 1960 года. «С полным основанием могу утверждать, что в период суровых испытаний войны наш земляк Василий Субботин, находясь в славной семье подводников, был настоящим патриотом нашей Родины».

...Апрель нынешнего года стал памятен тем, что после долгих лет разлуки с родным городом приехала из Белгорода дочь героя Людмила Васильевна Бугаева. Она встретила с главой округа Игорем Раевым. Он пообещал ей содействовать в увековечивании памяти её отца. Затем состоялось и внеочередное заседание Совета по сохранению культурного наследия, на котором присутствовала и Людмила Васильевна. Она вспоминала, что отец был жизнерадостным человеком и, многое пережив в жизни (ужасы войны, унижения плена, проверки «энкавдэшников»), никогда не жаловался, не обзавидился, а сохранял до конца дней природный юмор, оптимизм. Она просила об одном: увековечить память отца в родном городе. Капитан третьего ранга Станислав

Борисович Кукушкин пояснил, что этот вопрос обсуждался и в Выксунском отделении Союза офицеров. И отныне делом чести будет довести дело до конца.

Принято решение ходатайствовать о присвоении имени легендарного командора Василия Субботина одной из новых улиц города, оказать помощь в благоустройстве могилы на Южном кладбище.

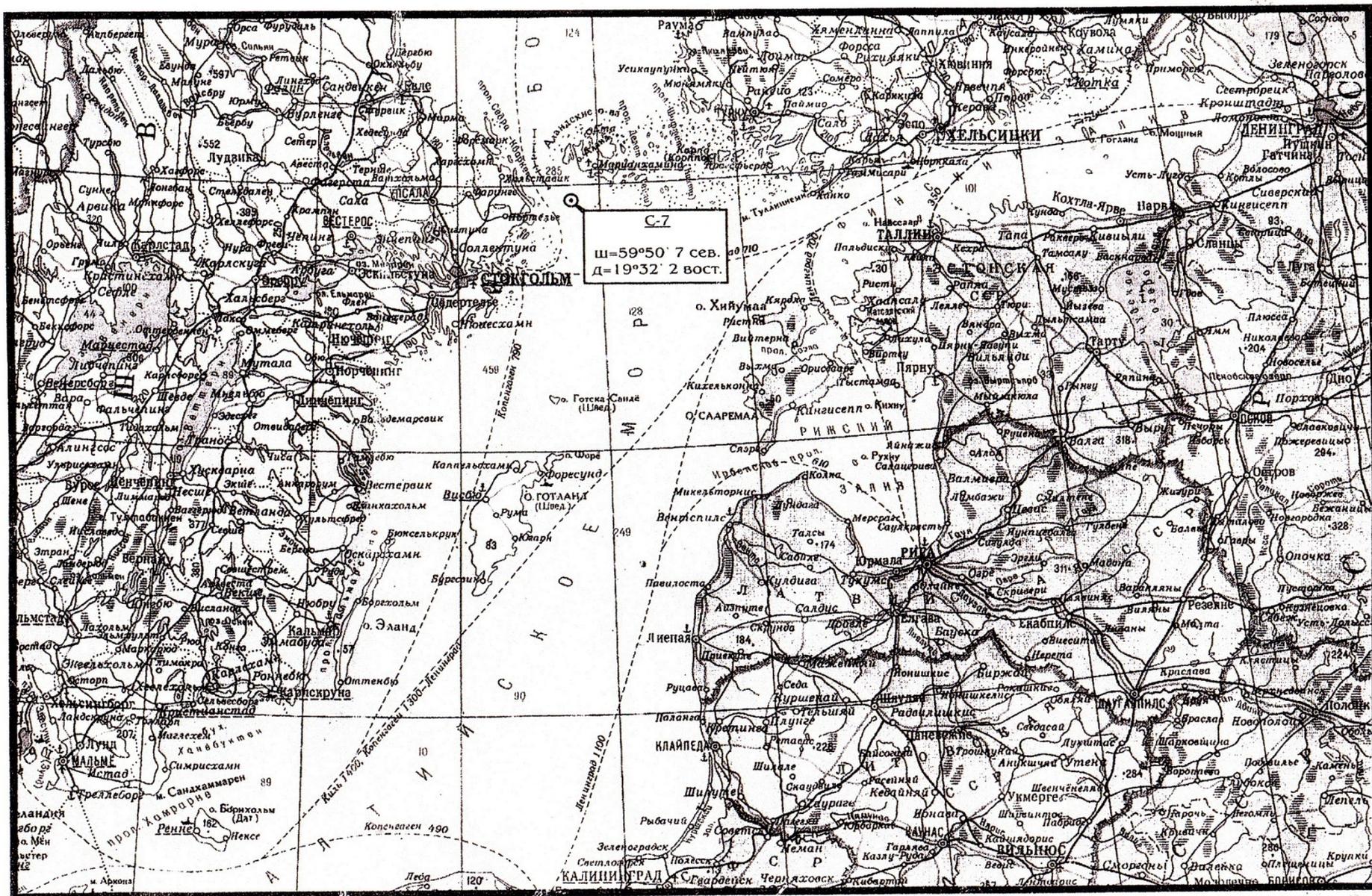
Завершить публикацию хочу фрагментом из заметки коллеги, талагилливого журналиста и фотографа Михаила Пименова. В номере «Провинциальной хроники» за 9 мая 1992 года помещены две фотографии Субботина: одна, на которой он молодой, серьёзный моряк в бушлате и с биноклем в руках, а на второй – в день своего 70-летия. Михаил Пименов писал: «...мы познакомились поближе, много говорили о войне, о жизни, о человеческих судьбах. Запомнились рассказы о походах на суровой Балтике летом и начале войны, когда воздух был насыщен ароматом цветущей сирени и так не хотелось думать о войне. Но грусть, сжимающая сердце, когда отходили от родных берегов, сменялась яростью и злостью – топили вражеские караваны, вступали в бой с самолётами противника. Раскалялись не только стволы орудий, раскалялись яростью сердца и, казалось, ничего не могло остановить отважных подводников».

В сорок втором из экипажа потопленной лодки осталось четверо, и был финский плен. Тогда мать получила третью похоронку за войну (уже погибли отец и брат), надела всё чёрное и не снимала до последних дней своих. Но выжил Краснофлотец. Прошёл через все ужасы плена, унижения, проверки, после чего дал клятву матери отомстить за гибель близких. Сдержал её с честью. Воевал, правда, на суше, но форсировал Одер, победу встретил на Эльбе, стал после войны водолазом, расчищал фарватеры от мин и снарядов, затонувшей техники. Сказалась морская душа! А душа у него простая открытая. Душа русского человека, терпеливца и труженика».

Елена Липатова.

Фото из архива музея Усадьбно-промышленного комплекса

МЕСТО ГИБЕЛИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ «С-7» (21 октября 1942 г.)

Библиография

- Субботин Василий Сергеевич // Книга памяти: Участники Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Жители города Выксы и района/ сост. В.И. Чудаков. – Выкса: ВыксаПолиграфИздат, 2003 .– С. 373.
- Субботин Василий Сергеевич // Летопись трудовой и боевой славы выксунцев. – Н. Новгород: Нижполиграф, 2000. – С. 555.
- Безрученкова С. Морская душа // Провинциальная хроника. – 2005. - № 34. – С. 8.
- Липатова Е. Комендор Василий Субботин с подводной лодки С-7 // Выксунский рабочий . – 2014. - № 33. – С. 8.
- Пименов М. Правда о комендоре // Провинциальная хроника. – 1992. - № 23. – С. 4.

- Пименов М. Правда о комендоре // Провинциальная хроника. – 1992. - № 19. – С. 4.
- Рогов М. Сильнее смерти // Выксунский рабочий. – 1961. – 17 февраля.
- Рогов М. Комендор Субботин // Выксунский рабочий. – 1980. - № 32. – С. 4.
- Рогов М. Комендор Василий Субботин // Горьковская правда. – 1980. – 2 апреля.
- Субботин Василий Сергеевич [Электронный ресурс]. – Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». – URL: <http://www.podvignaroda.ru> (17.04.2015).